

M-520-HA

112848

V5

520

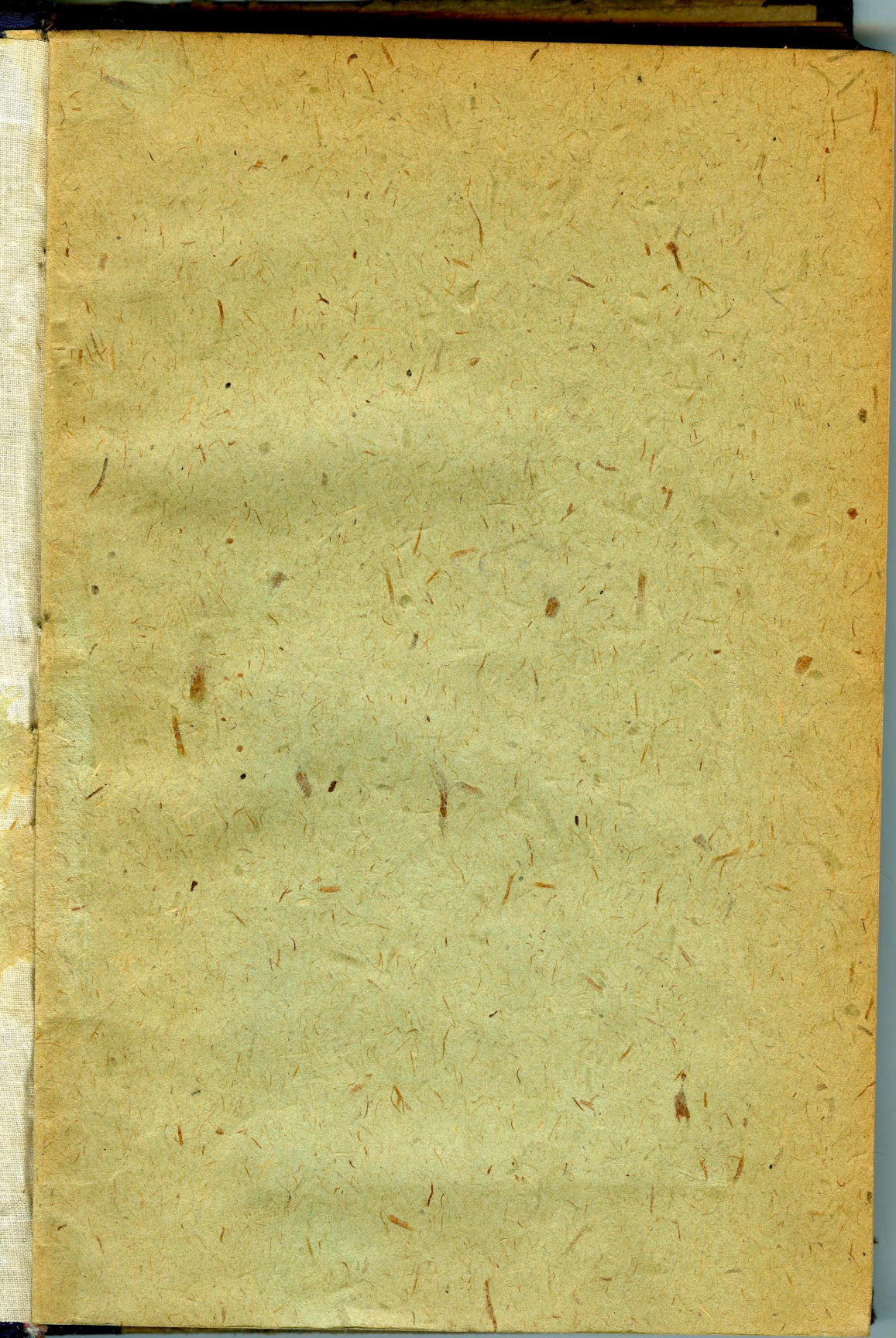
848

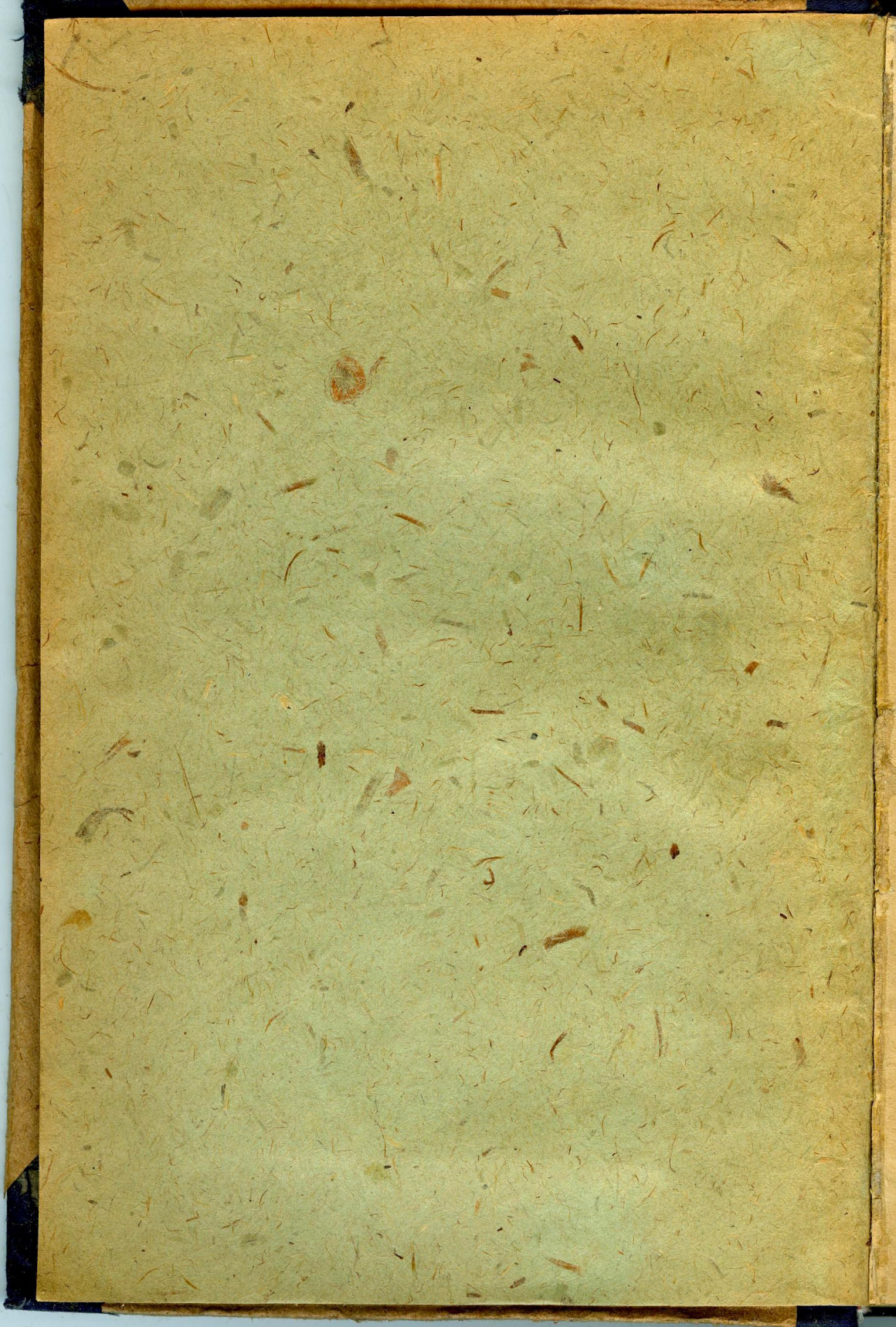
V.N. Karazin Kharkiv National University

00662084 0

M-590-H-A.

119.848.

61

911

М-520, 149

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Уч-Р
2203

Госуд. Книжный Фонд

НЕВОЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ

1914 — 1916

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.
Инв. № 112848

58
98
ПЕТРОГРАДЪ
К-во „ОГНИ“
1917

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1980

Типографія „Научное Дѣло“. Петроградъ, Загородный пр. 74.

НЕ СВЯТАЯ РУСЬ

(РЕЛИГІЯ ГОРЬКАГО)

I.

Куда идетъ Россія? Великіе русскіе писатели отвѣчаютъ на этотъ вопросъ,—какъ бы вѣчныя вѣхи указываютъ путь Россіи.

Послѣдняя вѣха—Толстой. За нимъ—никого, какъ-будто кончились пути Россіи. За Толстымъ никого — или Горькій.

По сравненію съ тѣми, великими, Горькій малъ. Мало все, что рождается; велико все, что выросло, достигло своего предѣла и конца. Великимъ кажется прошлое, малымъ—будущее. Вотъ почему Горькій и тѣ, великіе,—младенецъ и взрослые, ростокъ, изъ-подъ земли едва пробившійся, и дремучіе, древніе дубы. Но они кончаютъ, а онъ начинаетъ. Они—настоящее и прошлое, а онъ — будущее. Откуда идетъ Россія, можно судить по нимъ, а куда,—по Горькому.

Сознаніе, идущее къ стихіи народной, воплотилось въ тѣхъ, великихъ. Обратное движеніе—народная стихія, идущая къ сознанію, воплотилась въ Горькомъ.

Сознаніе надъ стихіею властвуетъ. Народъ, идущій къ сознанію, есть народъ, идущій къ власти. Возникающее сознаніе народа—возникающая власть народа — „народо-властіе“, „демократія“. Горькій есть первый и единственный сейчасъ представитель возникающей русской демократіи.

Лица тѣхъ великихъ—геніально личныя, неповторяемыя; такихъ лицъ никогда еще не было и никогда уже не будетъ. У Горькаго какъ бы вовсе нѣтъ лица; лицо какъ у всѣхъ, собирательное, множественное, всенародное. Но правда единственныхъ, правда личностей („аристократія“ въ

вышемъ смыслѣ) уже совершилась, достигнута; а правда всѣхъ, правда множества („демократія“ тоже въ высшемъ смыслѣ) еще только совершается, достигается. Послѣднее, величайшее явленіе личности—въ тѣхъ великихъ; первое, самое малое явленіе всенародности—въ Горькомъ.

Насъ пугаетъ безличность множества. Но, вѣдь, всякій зародышъ безличенъ, всякое сѣмя безъ-образно, а между тѣмъ таитъ въ себѣ возможность новаго прекраснѣйшаго образа, новой совершеннѣйшей личности. Если сѣмя не умретъ, то не оживетъ: надо умереть одному, чтобы ожить всѣмъ; надо умереть личности, чтобы ожить множеству.

Тѣ великіе слишкомъ сложны; потому-то и стремятся такъ жадно къ простотѣ, къ всенародной или только простонародной стихійности. Горькій слишкомъ простъ; потому-то и стремится такъ жадно къ сознательной или только полусознательной сложности.

Какъ явленіе художественнаго творчества, Толстой и Достоевскій неизмѣримо значительнѣе Горькаго. О нихъ можно судить по тому, что они говорятъ; о Горькомъ—нельзя: важнѣе всего, что онъ говоритъ, то что онъ есть. Самая возможность такого явленія, какъ онъ, какъ *они*—потому что онъ—многіе или будетъ многими, самая возможность эта, въ смыслѣ жизненномъ, не менѣе значительна, чѣмъ все художественное творчество Толстого и Достоевскаго.

Въ этомъ же смыслѣ жизненномъ, онъ, «малый»,—не меньшее знаменіе времени, чѣмъ тѣ великіе. И, можетъ быть, сейчасъ не въ нихъ, а въ него надо взглянуть, чтобы понять наше время, отвѣтить на вопросъ, куда идетъ Россія.

II.

Нѣсколько лѣтъ назадъ предсказывали «конецъ Горькаго». Въ предсказаніи была правда и ложь. Какъ пророкъ «сверхчеловѣческаго босячества», Горькій, дѣйствительно, кончился. Но кончился одинъ Горькій—начался другой.

Страшное испытаніе огнемъ—ложною славою—выдержалъ онъ, какъ немногіе. Вознесенный на высоту, упалъ съ нея, но не разбился. Сдѣлалъ, хотя-бы безсознательно, то, что способны дѣлать только самые сильные русскіе люди—«сжегъ все, чему поклонялся,—поклонился всему, что сжигалъ». Вѣдь, именно то, что онъ утверждалъ нѣкогда, какъ послѣднюю правду—«Человѣкъ—это гордо»—человѣкъ противъ человѣчества, одинъ противъ всѣхъ,—онъ теперь отрицаетъ, какъ послѣднюю ложь. Самого себя отрицаетъ, преодолеваетъ. Преодолѣетъ ли? Но уже одно то, что преодолеваетъ,—знакъ] силы. Чтобы такъ одному человѣку пережить двѣ жизни, кончиться и снова начаться, нужна большая сила. Теперь уже никакія испытанія огнемъ не страшны ему: въ огонь вошло желѣзо, вышла—сталь,

Чужое лицо истлѣло на немъ—пышная маска «сверхчеловѣка», «избраннаго», «единственнаго», и обнажилось свое простое лицо, лицо всѣхъ, лицо всенародное.

Стихія разлагается неполнымъ сознаниемъ—полусознаниемъ. Человѣкъ изъ народа, дѣлаясь полусознательнымъ, «полуинтеллигентнымъ», измѣняетъ своей народной стихіи. Такъ измѣнилъ ей Горькій, тотъ первый, чей «конецъ» уже наступилъ. А этотъ второй, „начинающійся“, къ ней возвращается или хочетъ вернуться. Но нельзя вернуться къ стихіи, не пройдя черезъ полноту сознанія, а эта полнота не можетъ не быть религіозною, ибо религія и есть абсолютный предѣлъ, исполненіе, завершеніе сознанія, абсолютное соединеніе всѣхъ частей сознанія въ единое цѣлое. Вотъ почему Горькій ищетъ религіознаго сознанія—можетъ быть, пока еще безсознательно. (Какъ это ни странно—искать сознанія безсознательно,—это часто бываетъ съ такими людьми полусознательными).

А что это именно такъ, что нѣтъ для Горькаго иныхъ путей къ народной стихіи, какъ черезъ сознаніе религіозное,—видно по его послѣдней книгѣ—„Дѣтству“.

Не только въ смыслѣ художественномъ это—одна изъ лучшихъ, одна изъ вѣчныхъ русскихъ книгъ (не потому

ли такъ мало сейчасъ оцѣненная, что слишкомъ вѣчная?), но и въ смыслѣ религіозномъ—одна изъ самыхъ значительныхъ. На вопросъ, какъ ищутъ Бога простые русскіе люди, „Дѣтство“ Горькаго отвѣчаетъ, какъ ни одна изъ русскихъ книгъ, не исключая Толстого и Достоевскаго.

Толстымъ и Достоевскимъ наше религіозное сознаніе переполнено; никуда намъ не уйти отъ нихъ. Но вотъ Горькій ушелъ. Онъ, первый и единственный, заговорилъ о религіозной жизни народа помимо Толстого и Достоевскаго и даже противъ нихъ. У Горькаго все въ этой области новое, неожиданное, непредвидѣнное, неиспытанное—цѣлый религіозный материкъ невѣдомый.

Неужели человѣкъ, самъ чуждый религіи могъ бы это сдѣлать? Неужели только случайность, что наиболѣе правдивое, сильное, вѣчное изъ всего, что написано Горькимъ,—наиболѣе религіозное?

Въ своемъ интеллигентскомъ сознаніи или полусознаніи онъ отрицаетъ религію. Но между интеллигентскимъ сознаніемъ его и его народною сущностью—противорѣчіе неразрѣшимое. Тутъ-то именно, въ религіи, онъ и отрицаетъ, преодоливаетъ себя съ наибольшею силою, съ наибольшею мукою. Тутъ вопросъ—быть или не быть Горькому истиннымъ пророкомъ того, къ чему Россія идетъ,—народнаго сознанія, народной власти — „народовластія“, „демократіи“ въ подлинномъ, религіозномъ смыслѣ этого слова.

„Не надо религіи, Бога не надо“,—говоритъ интеллигентское сознаніе Горькаго, а вотъ что говоритъ его народная сущность:

„Въ тѣ дни (дѣтства) мысли и чувства о Богѣ были главною пищею моею души... Богъ былъ самымъ лучшимъ и свѣтлымъ изъ всего, что окружало меня“.

Такъ было въ дѣтствѣ, въ началѣ жизни. Когда кругъ замыкается, то начало его сходится съ концомъ. Богомъ все началось у Горькаго—не Богомъ ли и кончится?

Богъ его—„бабушкинъ Богъ“. Бабушка маленькаго

героя „Дѣтства“, Алеши Пѣшкова (Горькій не скрываетъ, что Алеша—онъ самъ)—духовная мать его: она родила его, создала, „вывела на свѣтъ“—хранила, спасала въ дѣтствѣ, а можетъ быть, и донинѣ спасаетъ и будетъ спасать до конца.

„До нея какъ-будто спалъ я, спрятанный въ темнотѣ, но явилась она, разбудила, вывела на свѣтъ... и сразу стала *на всю жизнь* другомъ самымъ близкимъ сердцу моему“. На всю жизнь—на вѣки вѣковъ. Если это такъ, если бабушка, то и „бабушкинъ Богъ“—самое лучшее и свѣтлое въ дѣтствѣ, въ началѣ жизни—тоже на всю жизнь, на вѣки вѣковъ.

Бабушка вся, до послѣдней морщинки,—лицо живое, реальное; но это—не только реальное лицо, а также символъ, и, можетъ быть, во всей русской литературѣ, не исключая опять-таки Толстого и Достоевскаго, нѣтъ символа болѣе вѣщаго, образа болѣе синтетическаго, соединяющаго.

Бабушка—сама Россія въ ея глубочайшей народной религіозной сущности. Отречься отъ Бабушки, значить отречься отъ самой Россіи. Этого Горькій не сдѣлаетъ и, если-бы даже хотѣлъ, то не могъ бы это сдѣлать. Сколько бы ни отрекался отъ религіи, какими-бы безбожными словами ни говорилъ о ней, какъ бы ни былъ религіозно-безсознательнъ, или, хуже того, полусознательнъ, онъ все-таки не отречется отъ своей народной „крестьянской“—„христіанской“ сущности. И если Бабушка во-истину—Россія, то все, что говоритъ онъ о себѣ и о ней,—больше, чѣмъ разсказъ о своей жизни, и даже больше, чѣмъ исповѣдь,—это проповѣдь, пророчество о томъ, куда идетъ Россія.

„Ея безкорыстная *любовь къ міру* обогатила меня, насытивъ крѣпкой силой для трудной жизни“.

„Любовь къ міру“—религія Бабушки—религія Горькаго. Какая же это религія? Христіанская? Но, вѣдь, христіане—люди не отъ міра сего: „не любите міра, ни того, что въ

мірѣ; любовь къ міру—вражда Богу“. А Бабушка любитъ міръ и Бога вмѣстѣ. Для христіанъ „небесное“ значитъ „неземное“; любитъ небо—ненавидѣть землю. А Бабушка любитъ землю и небо вмѣстѣ. Да и какъ ей не любить земли, когда она сама земля?

— „Хороша у тебя бабушка,—о, какая земля!“—говоритъ о ней кто-то.

— „Ты настоящая мнѣ мать, какъ земля“,—говоритъ ей самой кто-то.

Алеша Пѣшковъ слышалъ эти слова, и Горькій запомнилъ ихъ „на всю жизнь“, на вѣки вѣковъ. Вѣдь, именно „любовь къ землѣ“, тайна земли и соединила его съ Бабушкой, съ ея народною сущностью, ибо тайна народа—тайна земли.

Если Христосъ равенъ христіанству, если въ христіанствѣ все кончено, сказано, сдѣлано—есть то что есть и больше ничего не будетъ, то религія Бабушки—не христіанская и не Христова. Тогда правъ дѣдушка, изъ православныхъ православнѣйшій:

— „Ты ей, старой дурѣ, не вѣрь. Она смолоду глупа, она безграмотна и безумна“.

Но если Христосъ больше, чѣмъ христіанство; если въ христіанствѣ не только есть то что есть, но что-то будетъ еще, то религія Бабушки—можетъ быть, и не христіанская, но Христова воистину.

Бабушка—не святая, а грѣшная, „окаянная“. Любитъ плясать, пѣть, нюхаетъ табакъ, пьетъ вино. И выпивши, „становится еще лучше“.

— „Господи, Господи! Какъ хорошо все! Нѣтъ, вы глядите, какъ хорошо-то все!“—говоритъ пьяная, точно молится.

Вообще не умѣетъ молиться, какъ слѣдуетъ.

— „Сколько я тебя, дубовая голова, училъ, какъ надобно молиться, а ты все свое бормочешь, еретица... чуваша проклятая!“

Бормочетъ свое—не церковное, не православное и, мо-

жетъ быть, даже не христіанское—такое вольное, странное, ни на что непохожее, что православному дѣдушкѣ молитвы эти кажутся кощунствами. Говорить съ Богомъ „внушительно“, то какъ-будто „совѣтуешь“ Ему, то какъ-будто „ворчить“ на Него—бунтуешь, богоборствуешь:— „Господи, али не хватило у Тебя разума добраго на меня, на дѣтей моихъ?..“ То жалѣеть Бога—„такого милаго друга всему живому“—всеблагого, но не всемогущаго и не всевѣдущаго: „Кабы все-то зналъ, такъ бы многого, поди, люди-то не дѣлали бы! Онъ, чай, Батюшка, глядитъ-глядить съ небеси-то на землю, на всѣхъ насъ, да въ иную минуту, какъ восплачетъ да возрыдаетъ: „Люди вы Мои, люди, милые Мои люди! Охъ, какъ Мнѣ васъ жалко!“ Этотъ плачущій Богъ—„безуміе“, „безграмотность“. А развѣ Агнецъ, закланный отъ начала міра,—тоже не безуміе? Только то—привычное, старое, а это—новое, необычайное.

Бабушка не умѣетъ молиться, какъ слѣдуетъ, Богу Отцу и Сыну Божьему; но на языкѣ человѣческомъ нѣтъ молитвъ прекраснѣйшихъ, чѣмъ ея акаѣисты Божьей Матери.

— „Радость неизбывная... яблоня во цвѣту... сердечушко мое чистое, небесное... солнышко золотое...“

Нѣтъ, этого нельзя повторить,—надо самому услышать. И всего удивительнѣе, что услышалъ это неслыханное, затаеннѣйшее въ сердцѣ народа, въ сердцѣ земли, не христіанинъ Толстой, не православный Достоевскій, а „безбожный“ Горькій.

Что такое „Матерь Божья“, бабушка сама не знаетъ. Если бы спросить ее объ этомъ, то она указала бы на икону Казанской, Тихвинской, Феодоровской или иной помѣстной Матушки. Такъ—въ ея сознаніи, но не такъ—въ ея безсознательномъ религіозномъ „вѣдѣніи“, „гнозисѣ“.

— „Ты настоящая мнѣ мать, какъ земля“,—могла бы она сказать Божьей Матери, такъ же какъ ей самой говорить кто-то. Или какъ у Достоевскаго (въ „Бѣсахъ“) гово-

рять одна прозорливая: „Матерь Божья есть великая мать сыра земля“. Тайна Матери—тайна Земли.

Въ догматической христіанской Троицѣ—Отецъ, Сынъ и Духъ; а въ этой бабушкиной, какъ-будто не христіанской, „еретической“—Отецъ, Сынъ и Мать. Неоткрытый, неисповѣданный, неисполненный ликъ Духа—въ ликъ Земли-Матери.

Отецъ—въ Первомъ Завѣтѣ, Сынъ—во Второмъ; не въ послѣднемъ ли, Третьемъ—Духъ? Явленіе Духа—Святая Плоть, Святая Земля, Вѣчное Материнство, Вѣчная Женственность. Если откровеніе Отца—любовь къ міру (земное, природное, космическое — въ дохристіанскихъ религіяхъ); если откровеніе Сына—любовь къ Богу (неземное, антикосмическое, „не отъ міра сего“—въ христіанствѣ),—то откровеніе Духа—любовь къ землѣ и къ небу, любовь къ міру и къ Богу вмѣстѣ. А, вѣдь, это и есть религія Бабушки. Вотъ къ чему она прикасается, „старая дура, безумная, безграмотная“.

Лермонтовъ, Тютчевъ, Некрасовъ, Вл. Соловьевъ, Достоевскій и тѣ, кто идетъ за ними—русскіе люди высшаго религіознаго сознанія — прикасались къ тому же. — „Это страшно вѣрное, страшно русское“, — говоритъ кто-то о бабушкиной религіи.

Тутъ высота сходится съ глубиною — высота русскаго религіознаго сознанія—съ глубиною русской религіозной стихіи. И опять всего удивительнѣе, что это схождение увидѣлъ,—хотя бы слѣпо увидѣлъ, только нащупалъ,—не христіанинъ Толстой, не православный Достоевскій, а „безбожный“ Горькій.

Русскихъ интеллигентныхъ „богоискателей“ ненавидитъ онъ и презираетъ, а самъ приближается къ нимъ, какъ никто; открываетъ въ своей народной стихіи то же, что они открыли въ своемъ интеллигентскомъ сознаніи. На разныхъ языкахъ говорятъ объ одномъ.

III.

Бабушка—Россія, но не вся, потому-что у Россіи—„двѣ души,“ по вѣщему слову Горькаго, можетъ быть, изъ всѣхъ его словъ самому вѣщему. Одна душа Россіи—Бабушка, другая—Дѣдушка.

Бабушка прекрасна, дѣдушка уродливъ. У бабушки—добрый Богъ—„такой милый другъ всему живому“; у дѣдушки—злой. Если бабушкинъ Богъ—настоящій, то дѣдушкинъ—не Богъ, а дьяволъ.

Такъ или почти такъ для Алеши Пѣшкова, но не такъ или не совсѣмъ такъ для Горькаго. Онъ уже знаетъ, что не вся правда у Бабушки, что есть и у Дѣдушки своя правда, такая же вѣчная, „страшно-вѣрная, страшно русская“.

Не всегда былъ и дѣдушка злымъ уродомъ.

— „Онъ, вѣдь, раньше-то больно хорошимъ былъ, да какъ выдумалъ, что нѣтъ его умнѣе, съ той поры и озлился и глупымъ сталъ“.

Былъ хорошимъ,—можетъ быть, и будетъ. Можетъ быть, не только по своей винѣ, но отчасти и по винѣ самой бабушки озлился и оглупѣлъ.

— „Меня дѣдушка снова билъ на первый день Пасхи отъ обѣдни до вечера. Побьетъ—устанетъ, а отдохнувъ—опять. И возжами и всяко.“

— „За что?“

— „Не помню ужъ...“

„Бабушка была вдвое крупнѣе дѣда, и не вѣрилось, что онъ можетъ одолѣть ее.“

— „Развѣ онъ сильнѣе тебя?“

— „Не сильнѣе, а старше... За меня съ него Богъ просить, а *мнѣ заказано терпѣть*“.

Даже маленькій Алеша чувствуетъ, что чего-то не хватаетъ бабушкѣ. „Иногда хочется, чтобъ она сказала

какое-то сильное слово, что-то крикнула“. Но никогда ничего не скажетъ—будетъ молчать и терпѣть до конца. И чѣмъ больше будетъ терпѣть Бабушка, тѣмъ больше будетъ Дѣдушка злиться и глупѣть.

Бабушка хотя и не святая, но „въ родѣ святой“, и главный грѣхъ ея—не во грѣхѣ, а въ святости. Чѣмъ сама она святѣе, тѣмъ грѣшнѣе все вокругъ.

Знаетъ—и не можетъ; созерцаетъ—и не дѣлаетъ. Дѣдушка знаетъ и дѣлаетъ—мало знаетъ, плохо дѣлаетъ; но въ Россіи такъ много созерцанія, такъ мало дѣланія, что ужъ лучше плохо, чѣмъ никакъ.

Бабушка—огромная и мягкотѣлая, рыхлая, безкостная. Дѣдушка—маленькій, крѣпенькій, остренькій, какъ рыба косточка, и все-таки сглотнулъ огромную, а его самого никто не сглотнетъ—косточкой подавится.

Бабушка—безпредѣльная и безличная. Узокъ дѣдушкинъ предѣлъ, но зато у него есть лицо—правда, полувѣриное—но все же лицо—зародышъ личности.

Въ Бабушкѣ—„діонисовское“, въ Дѣдушкѣ—„аполлоновское“. Бабушка—пьяная, Дѣдушка—трезвый.

Бабушка дѣлаетъ Россію безмѣрною; Дѣдушка мѣритъ ее, копить, собираетъ, можетъ быть, въ страшный кулакъ; но безъ него она развалилась бы, расползлась бы, какъ опара изъ квашни.

И вообще, если бы въ Россіи была одна Бабушка безъ Дѣдушки, то не печенѣги, половцы, монголы, нѣмцы, а своя родная тля заѣла бы живьемъ „Святую Русь“.

Бабушка—Россія старая, обращенная къ Востоку; Дѣдушка—Россія новая, обращенная къ Западу. Бабушка безграмотна; Дѣдушка полуграмотенъ. Но если когда-нибудь Россія будетъ грамотной, то благодаря не Бабушкѣ, а Дѣдушкѣ.

Бабушка—„еретица“, „вольница“ на словахъ, въ созерцаніи, а на дѣлѣ ей „заказано терпѣть“. Дѣдушка пока что „православенъ“ и „самодержавенъ“. И тоже терпитъ, потому что руки коротки, чтобъ сдачи дать; но когда

выростутъ, — не стерпитъ. И если, вообще, кто-нибудь забунтуетъ въ Россіи, то ужъ, конечно, не Бабушка, а Дѣдушка.

— «Ты за бабушку крѣпко держись», — совѣтуетъ кто-то Алешѣ. Горькій исполнилъ этотъ совѣтъ: крѣпко за Бабушку держится, но, можетъ быть, еще крѣпче — за Дѣдушку. И если вошелъ въ огонь желѣзомъ, а вышелъ сталью, то благодаря не Бабушкѣ, а Дѣдушкѣ.

Бабушкину правду — «Святую Русь» — понять легко: она сіяетъ, лучезарная; правду дѣдушкину — Русь не святую — понять трудно: она сквозь обликъ звѣриный чуть свѣтится. Ни Толстой, ни Достоевскій не поняли ея, потому что смотрѣли на нее со стороны, извнѣ; Горькій понялъ, потому что увидѣлъ ее изнутри.

IV.

О двухъ душахъ Россіи говоритъ «Дѣтство». О томъ же говоритъ статья, не случайно написанная Горькимъ почти одновременно съ «Дѣтствомъ», такъ и озаглавленная «Двѣ души».

У Россіи — двѣ души — азіатская, восточная, и европейская, западная. На Востокѣ господствуетъ религія, на Западѣ — наука. Религія утверждаетъ то, чего нѣтъ (бытіе Божіе, загробную жизнь и прочія «суевѣрія», «фантазіи»); религія — ложь. Наука утверждаетъ то, что есть («законы природы»); наука — истина. Россія гибнетъ или находится на краю гибели, потому что колеблется между двумя душами — восточной и западной. Чтобы спастись, надо перестать колебаться, надо сдѣлать выборъ: отречься отъ Востока, отъ религіозной лжи, и предаться Западу — научной истинѣ.

Вотъ какъ просто, и, если бы рѣчь шла не о Горькомъ, можно бы сказать — вотъ какъ простодушно до дѣтскости, до дикости.

Стоитъ ли возражать? Нужно ли доказывать, что нельзя ставить знакъ равенства между «суевѣріемъ», «фантазіей», обманомъ воображенія и религіознымъ опытомъ; что послѣ кантовской «Критики» утверждать на основаніи научнаго опыта или философскаго разума, что Богъ есть, или что Бога нѣтъ, два одинаковыхъ невѣжества?

Если Горькій атеистъ-догматикъ, то нечего ему говорить о «научномъ мышленіи», какъ единственномъ способѣ познанія, потому что всякій догматизмъ, все равно, отрицательный или положительный, всякая вѣра, все равно, въ бытіе или небытіе Божіе, — противорѣчатъ законамъ «научнаго мышленія». Если же онъ позитивистъ-агностикъ, то какъ же онъ смѣшиваетъ «непознанное» съ «Непознаваемымъ»? Стоило бы ему заглянуть въ «Первыя Начала» Спенсера, творца агностицизма, чтобы увидѣть, что «Непознаваемое» никогда не можетъ быть познано по самой природѣ научнаго опыта. Такова философская неосвѣдомленность Горькаго.

Неосвѣдомленность историческую выказываетъ онъ, когда противопоставляетъ религіозный Востокъ научному Западу, какъ двѣ равнодѣйствующія во всемірной исторіи. Если понимать религію въ нашемъ европейскомъ смыслѣ, какъ теизмъ, утвержденіе Бога, — а такъ именно понимаетъ религію Горькій, — то большая часть Востока — буддѣйская — нерелигіозна, атеистична, потому что буддизмъ — чистѣйшій атеизмъ. Только приближаясь къ Западу, Востокъ становится религіознымъ въ нашемъ, европейскомъ, смыслѣ — теистичнымъ (зороастризмъ, іудаизмъ, исламъ); а чѣмъ дальше отъ Запада, чѣмъ восточнѣе, тѣмъ атеистичнѣе. Всѣ религіи, такъ же, впрочемъ, какъ и всѣ научныя системы (египетскія, ассиро-вавилонскія основы греко-римскаго знанія), на Востокѣ рождаются, но растутъ и зрѣютъ на Западѣ. Сѣмя — на Востокѣ, цвѣтъ и плодъ — на Западѣ. Тамъ — религіозное прошлое человѣчества, здѣсь — настоящее и будущее. Христіанство родилось на Востокѣ, но выросло на Западѣ. И если христіанство — религія все-

мірно-историческая по-преимуществу, то не Востокъ, а Западъ религіозенъ по-преимуществу.

Неосвѣдомленность психологическую выказываетъ Горькій, когда противопоставляетъ религію, какъ абсолютное созерцаніе, наукѣ, какъ абсолютному дѣйствію. Религія — или ничто, «обманъ воображенія», или величайшее явленіе человеческой воли, а воля — единственный источникъ дѣйствія. Разумъ освѣщаетъ и направляетъ, — воля рѣшаетъ и совершаетъ дѣйствіе. Вотъ почему безвольная, бездѣйственная религія — все равно, что не жгущій огонь: огонь перестаетъ жечь, когда потухаетъ; и религія становится бездѣйственной, когда перестаетъ быть религіей. Наоборотъ, наука становится дѣйственной, только переставая быть наукою и дѣлаясь «религіей», обращаясь отъ разума къ волѣ, хотя бы безсознательно. Чтобы дѣйствовать, надо желать или знать должное, а для науки нѣтъ ни желаннаго ни должнаго, — есть только данное.

Религія, по мнѣнію Горькаго, порабощаетъ; наука освобождаетъ личность. Но самое понятіе «личности» неразрывно связано съ понятіемъ «свободы», а для науки нѣтъ свободы: законъ необходимости, детерминизмъ — основной законъ научнаго мышленія. Вотъ почему наука не знаетъ «личностей», а знаетъ только «недѣлимые», «особи» безличныхъ «родовъ» и «видовъ». Понятіе «личности», такъ же, какъ понятіе «свободы» — вовсе не научное, а религіозное. Чтобы утвердить личность, надо утвердить свободу, преодолѣть законъ необходимости въ его самой крайней точкѣ — въ смерти, какъ уничтоженіи личности. Это и дѣлаетъ христіанство — религія абсолютной свободы, Абсолютной Личности.

Изъ всего, что говоритъ Горькій о религіи, одно только вѣрно, — что религія «опасна». Но, вѣдь, вообще всякая сила опасна: чѣмъ больше сила, тѣмъ опаснѣе; религія — величайшая сила — величайшая опасность. Но, если отъ огня бываютъ пожары, изъ этого не слѣдуетъ, что надо жить безъ огня.

V.

Да, говоря о религии, Горькій не знаетъ, о чемъ говорить. Но важно не то, что онъ знаетъ и чего не знаетъ, а то, чего онъ хочетъ и не хочетъ.

Не хочетъ религіи, потому что хочетъ любить міръ, а всякая религія есть *нелюбовь къ міру*.

Ну, а какъ же бабушкина религія—любовь къ міру къ Богу вмѣстѣ? «Это ея [безкорыстная любовь къ міру обогатила меня, насытивъ крѣпкой силой для трудной жизни]».

О Бабушкѣ-то онъ и забылъ, а если не забылъ, то проклялъ ее такъ же, какъ Дѣдушка: «старая дура, безумная, безграмотная».

«Двѣ души» написаны по поводу войны—«катастрофы, никогда еще не испытанной міромъ, потрясающей и разрушающей жизнь Европы», по словамъ самого Горькаго. Откуда же катастрофа—отъ религіознаго Востока или отъ «научнаго» Запада? Кажется, ясно, что «наука» безъ религіи, полунаука, не только не спасла міръ отъ катастрофы, но, можетъ быть, и была ея главною причиною. Когда человѣческій разумъ утверждаетъ, что онъ—все, и ничего больше нѣтъ въ человѣкѣ, ничего больше не надо, то самъ разумъ становится безуміемъ.

— «Онъ, вѣдь, раньше-то больно хорошимъ былъ, дѣдушка нашъ,—да какъ выдумалъ, что нѣтъ его умнѣе, съ той поры и озлился и глупымъ сталъ».

Какихъ нечеловѣческихъ ужасовъ и мерзостей можетъ надѣлать этотъ озлившійся и оглупѣвшій, обезумѣвшій разумъ, мы теперь видимъ во-очію. Это онъ, Дѣдушка, маленькій, хитрый, хищный «хорекъ» бьетъ огромную Бабушку—«отъ обѣдни до вечера; побьетъ—устанетъ, а отдохнувъ—опять; и возжами и всяко». Онъ бьетъ, а она молчитъ, терпитъ—только жалѣетъ «безумная» полоумнаго:

— «Ахъ, дѣдушка, дѣдушка, малая ты пылинка въ Божьемъ глазу!»

О Бабушкѣ Горькій забылъ, но вспомнить о ней; ушелъ отъ нея, но вернется къ ней.

Можетъ быть, не только у Россіи, но и у самого Горькаго—«двѣ души», и онъ разрывается, мечется между ними—то къ Востоку, то къ Западу, то къ Бабушкѣ, то къ Дѣдушкѣ. Какую изъ этихъ двухъ душъ спасти, какую губить?

Но, можетъ быть, не надо губить ни одной, а надо спасти обѣ, соединить «двѣ души» въ одну. Можетъ быть, Россія—не Востокъ и не Западъ, а соединеніе Востока съ Западомъ.

Чтобы соединить, надо не смѣшивать, а чтобы не смѣшивать, надо раздѣлить до конца. Это Горькій и дѣлаетъ: раздѣляетъ, разрываетъ двѣ души Россіи въ своей собственной душѣ. И если душа его погибнетъ отъ этого разрыва, то не даромъ: она погибнетъ, чтобы спасти другія души.

Такъ, «безбожный», дѣлаетъ онъ Божье дѣло. Разрывъ двухъ душъ—Запада и Востока, дѣйствія отъ созерцанія, земли отъ неба—неполная, непослѣдняя, невѣчная правда. Но нѣтъ иныхъ путей къ правдѣ вѣчной, какъ жертва одной изъ двухъ невѣчныхъ; только надо знать, чѣмъ и для чего мы жертвуемъ. Горькій этого еще не знаетъ; можетъ быть, узнаетъ когда-нибудь.

«Святая Русь! Святая Русь!»—затвердили мы кощунственно.—Нѣтъ, не святая, а грѣшная,—сказалъ Горькій такъ, какъ еще никто никогда не говорилъ.

Однажды дѣдушка засѣкъ Алешу до потери сознанія. «Съ тѣхъ дней,—вспоминаетъ Горькій,—точно мнѣ содрали кожу съ сердца,—оно стало невыносимо чуткимъ ко всякой обидѣ, своей и чужой». Вотъ это сердце съ содранною кожею все еще бьется въ Горькомъ.

Однажды «господинъ въ новомъ мундирѣ», Алешинъ вотчимъ, билъ его больную мать. «Даже сейчасъ вижу,—вспоминаетъ Горькій,—эту подлую, длинную ногу, съ яр-

кимъ кантомъ вдоль штанины, вижу, какъ она раскачивается въ воздухѣ и бьетъ носкомъ въ грудь женщины» Алеша схватилъ ножъ и ударилъ вотчина. Вотъ этотъ ножъ все еще въ душѣ у Горькаго: для него не въ переносномъ смыслѣ, а въ точномъ, кровномъ, кровавомъ—обида Россіи—обида матери.

Два чувства дивно близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

Но вотъ для Алеши «отеческій гробъ»—«тухлый Дюковъ прудъ, куда дядя зимою бросили отца его въ прорубь». Вотъ какое «отечество» надо полюбить Горькому.

Когда Дѣдушка бьетъ Бабушку смертнымъ боемъ, и та молчитъ, терпитъ—«мнѣ заказано терпѣть»,—мы умиляемся:

Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

«Святая Русь! Святая Русь!» Горькій не умиляется. Да будь она проклята эта «святость», если отъ нея всѣ наши мерзости!

«Вспоминая эти свинцовыя мерзости дикой русской жизни я минутами спрашиваю себя: да стоитъ ли говорить объ этомъ? И съ обновленной увѣренностью отвѣчаю—стоитъ; ибо это—живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы съ корнемъ же и выдрать ее изъ памяти, изъ души человѣка, изъ всей жизни нашей, тяжелой и позорной». Никто никогда не говорилъ объ этой правдѣ такъ, какъ Горькій, потому что всѣ говорили со стороны, извнѣ, а онъ—изнутри.

По нашему, по Толстому и Достоевскому—«смирение», «терпѣніе», «недѣланіе», а по Горькому, возмущеніе, возстаніе, дѣланіе—«страшно вѣрное, страшно русское». И если Россія не только откуда-то пришла, но и куда то

идеть, то въ этомъ Горькій правѣе Толстого и Достоевскаго. Въ этомъ Россія грѣшная святѣе «святой».

И не нужна ли бѣлая любовь, чтобы любить грѣшную, чѣмъ «святую»? Не нужна ли бѣлая вѣра, чтобы вѣрить въ грѣшную? Такою любовью любить, такую вѣрою вѣрить Горькій.

«Не только тѣмъ изумительна жизнь наша, что въ ней такъ плодотворитъ и жиренъ пластъ всякой скотской дряни, но и тѣмъ, что сквозь этотъ пластъ растетъ доброе... возбуждая несокрушимую надежду на возрожденіе наше къ жизни свѣтлой, человѣческой».

Никто никогда не говорилъ объ этой надеждѣ такъ, какъ Горькій, потому что опять-таки всѣ говорили со стороны, извнѣ, а онъ—изнутри. Надо самому пройти сквозь тьму Россіи прошлой и настоящей, чтобы такъ говорить о свѣтлой Россіи будущей.

Да, не въ святую, смиренную, рабскую, а въ грѣшную, встающую, освобождающуюся Россію вѣрить Горькій. Знаетъ, что «Святой Руси» нѣтъ; вѣритъ, что святая Россія будетъ.

Вотъ этою-то вѣрою и дѣлаетъ онъ, «безбожный», Божье дѣло. Ею-то онъ и близокъ намъ—ближе Толстого и Достоевскаго. Тутъ мы уже не съ ними, а съ Горькимъ.

